

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Правовое положение
раскола при императрице
Анне Иоановне:**

**замечания, высказанные на магистерском
коллоквиуме 2 октября 1905 года**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 1. С. 112-128.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАСКОЛА

при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

Замѣчанія, высказанныя на магистерскомъ коллоквиумѣ 2 октября 1905 года при оцѣнкѣ диссертациі *Б. В. Титлинова* „Правительство императрицы Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ православной церкви“ ¹⁾.

О ДОСТОИНСТВАХЪ вашего сочиненія, убѣдившихъ меня въ томъ, что оно даетъ вамъ право на получение той ученой степени, какую вы ищете, я говорилъ болѣе или менѣе подробно въ своемъ письменномъ отзывѣ. Такъ какъ послѣдній теперь уже напечатанъ ²⁾, то высказанныя въ немъ положенія повторять считаю излишнимъ. Сдѣлаю только нѣкоторыя дополненія къ нимъ, причемъ замѣчу, что если тамъ я судилъ о вашей работѣ примѣнительно къ цѣлому ея объему, то теперь, будучи призванъ еще разъ сказать свое слово, ограничусь замѣчаніями только о нѣкоторыхъ ея частяхъ. Я обращусь, вотъ, къ двумъ послѣднимъ главамъ вашей книги (VI-й и VII-й), о которыхъ вы и сами въ предисловіи дѣлаете оговорку. Но и ихъ я беру не цѣликомъ, а лишь въ тѣхъ частяхъ, предметъ которыхъ для меня, по моей специальности, болѣе интересенъ.

¹⁾ Высказанное на коллоквиумѣ теперь мы мѣстами дополнили. Отдѣлы, заключающіе въ себѣ эти дополненія, обозначены звѣздочками.

²⁾ Въ журналахъ Совѣта С.-Петербургской духовной академіи при „Христіанскомъ Чтеніи“ 1905, іюнь, приложенія, стр. 149 — 153, ср. іюль, приложенія, стр. 189—190.

Начальная часть VI-ой главы у васъ носитъ такое заглавіе: „Мѣры противъ раскола и заботы о миссіонерскомъ дѣлѣ“. Это—весьма небольшая часть вашего сочиненія, занимающая всего лишь нѣсколько страницъ. Подразумѣваемая мною часть VII-ой главы „Контроль верховной власти надъ исполненіемъ подданными христіанскаго долга“ — по объему еще меньше. Тѣмъ не менѣе я попрошу у ученаго собранія себѣ нѣкотораго времени, такъ какъ считаю предметъ не мало важнымъ, а характеристику его въ нѣсколько словъ—недостаточною.

Въ предисловіи къ сочиненію (стр. X—XI) касательно названныхъ главъ вы находите нужнымъ сдѣлать оговорку—въ томъ смыслѣ, что всякое будущее „возраженіе“ о „недостаточной полнотѣ“ вами здѣсь „разработаннаго“ заранѣе устраняете указаніемъ на „недостатокъ“ (недостаточность) вашего матеріала и на то, что „болѣе детальное изложеніе.. не прибавляло никакихъ характерныхъ чертъ для (?) занимающей васъ стороны дѣла?“ Я позволяю себѣ думать на этотъ счетъ иначе. Мнѣ кажется, что вина здѣсь — не въ „матеріалѣ“, а въ вашемъ *методѣ* его изслѣдованія. Матеріалъ вашъ хотя и не обширенъ, но и не скуденъ ²⁾, а главное—онъ не безцвѣтенъ. Его „детали“, часто для вашего предмета очень „характерныя“, не нашли у васъ себѣ мѣста лишь благодаря способу веденія вами дѣла.

I.

Я имѣю въ виду собственно вашу VI-ю главу. О главѣ VII-ой я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ, — что въ начальномъ своемъ отдѣлѣ она создана вами искусственно, или, по крайней мѣрѣ, съ нарушеніемъ систематичности. Рѣчь здѣсь идетъ объ установленіи штрафовъ за уклоненіе отъ исповѣди и причастія. И въ началѣ главы (стр. 454), и нѣсколько позднѣе—въ заключеніе анализа спеціальнаго по этому предмету указа 1737 года — вы сами прямо и рѣшительно разъясняете, что „главною цѣлью указа было—слѣдить за тайнымъ расколомъ“, иначе сказать—за „наложеніемъ двойнаго оклада“ (стр. 456). Значить, правительство было озабо-

²⁾ Напр. въ „Собраніи постановленій по части раскола“ (изд. 1860 г., кн. I) авиньскіе „указы“ о расколѣ занимаютъ болѣе 150 страницъ.

чено собственно не перацѣніемъ *православныхъ* о спасеніи своей души,—„контроль“ преслѣдовавъ цѣли не столь возвышенныя, какъ вы изображаете. Конечно, штрафъ за уклоненіе отъ исповѣди долженъ былъ быть взимаемъ, по указамъ, одинаково и съ православныхъ, если они оказывались виновными; но „главная“ цѣль указовъ при этомъ неизмѣнно оставалась на своемъ мѣстѣ и потому говорить о ней вамъ надлежало въ VI-ой главѣ—въ вашемъ обзорѣ мѣрь *противъ раскола*; было бы систематичнѣе—закончивъ рѣчь о расколѣ въ одномъ мѣстѣ, уже не возвращаться къ ней въ другомъ и здѣсь разсматривать соотвѣтствующее узаконеніе лишь со стороны его отношенія къ православнымъ.

II.

Мои замѣчанія о VI-ой главѣ будутъ сложнѣе. Тутъ я имѣю въ виду и общія ваши положенія, и нѣкоторыя частности. Первые обрисуются яснѣе, если я начну съ частныхъ.

Сравнивая вашъ обзоръ аннинскихъ указовъ о расколѣ съ подлиннымъ ихъ текстомъ, я наталкиваюсь то на пропуски, то на излишки. Подъ послѣдними я разумѣю тѣ случаи, когда ваши положенія не имѣютъ непосредственной опоры въ обзорѣваемыхъ вами официальныхъ документахъ или же прямо противорѣчатъ имъ. Укажу слѣдующіе три примѣра. 1. Вы отмѣчаете, что въ ряду мѣрь *противъ раскола* въ аннинское царствованіе непослѣднее мѣсто занималъ законъ о платежѣ раскольниками „двойного оклада“; о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого закона вы доводите до свѣдѣнія читателя даже буквальною выпискою изъ подлинника (стр. 420); но васъ ни мало не интересуютъ тѣ аннинскаго періода указы, въ которыхъ былъ разъясненъ *смыслъ* закона о двойномъ окладѣ, дано правительственное толкованіе его. Таковы указы 21 марта 1736 года и 28 сентября 1738 года³⁾; въ нихъ вы могли бы почерпнуть указаніе, во-первыхъ, на тогдашнее правовое положеніе такъ называемаго „записнаго“ раскола, платившаго двойной окладъ, а за тѣмъ—понять тогдашнюю необходимость и самыхъ этихъ указныхъ толкованій. Она заключалась, конечно, въ томъ, что законъ о двойномъ окладѣ исполнительныя власти, вслѣдъ за самими раскольниками, понимали, оче-

³⁾ Собр. пост. по ч. раскола, 1860, кн. 1, стр. 305. 351.

видно, неправильно. Но если вы не обратили вниманія даже на столь крупныя детали по вопросу о двойномъ окладѣ, то о другихъ указахъ, сюда относящихся, по внѣшнимъ своимъ признакамъ менѣе крупныхъ, нечего уже и говорить: напр. вамъ, очевидно, и на мысль не пришло разъяснить происхожденіе коротенькаго указа Синода отъ 27 мая 1730 года по поводу выдаваемыхъ раскольникамъ, при записи ихъ въ двойной окладъ, „указовъ“⁴⁾.—2. Въ ряду мѣръ противъ раскола вы отмѣчаете распоряженія, направленные къ запрещенію передавать расколъ въ потомство. „Правительство,—говорите вы,—твердо настаивало на соблюденіи прежнихъ узаконеній (15 мая 1722 года и 16 іюля 1728), по которымъ дѣти записныхъ раскольниковъ должны были воспитываться въ православной вѣрѣ, креститься и вѣнчаться въ православныхъ церквахъ“ (стр. 422). При этомъ вы предполагаете, что, поступая такъ, правительство, однако, „само понимало всю бесплодность“ этихъ узаконеній (стр. 423). Но ваши строки отвѣчали бы исторической дѣйствительности гораздо болѣе, если бы вы обратили вниманіе на сенатскій указъ 11 августа 1732 года. Въ немъ говорилось о необходимости произвести контроль надъ приименіемъ къ жизни въ минувшіе годы названныхъ указовъ 1722 и 1728 годовъ и даже дѣлалась попытка исправить послѣдствія ошибки, допущенной ранѣе и состоявшей въ томъ, что дѣти „записныхъ раскольниковъ фактически были допущены въ запись подъ двойной окладъ“⁵⁾. Изъ указа, такимъ образомъ, видно, что правительство было занято не мыслью о „бесплодности“ разсматриваемыхъ узаконеній, какъ предполагаете вы, а мыслью о лучшемъ практическомъ примѣненіи ихъ, какъ отвѣчающихъ, по его мнѣнію, своей цѣли.—3. Вы утверждаете, что въ аннинское время правительственные указы о расколѣ „были грозны лишь на словахъ, а на дѣлѣ контроля надъ раскольниками не существовало“ (стр. 428). Между тѣмъ не откуда либо, а именно изъ вашего матеріала видно, что при Аннѣ Юанновнѣ не только внимательно но и болѣе, чѣмъ прежде, слѣдили за соблюденіемъ узаконеній о расколѣ,—документы отъ 13 декабря 1738 года и 11 іюля 1739 года свидѣтельствуютъ, что теперь по провинціямъ при Губернскихъ и Провинціальныхъ Канцеляріяхъ были учреждаемы

⁴⁾ Тамъ-же, кн. 1, стр. 215.

⁵⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, 1, 233—234.

особыя Слѣдственныя о раскольникахъ комиссіи, которымъ предписывалось „поступать въ слѣдствопроизводеніи по указамъ Ея Императорскаго Величества безпристрастно, со всякимъ бодрственнымъ и тщательнымъ раченіемъ непремѣнно“ ⁶⁾.

Число примѣровъ такого вашего, позволяю сказать—недостаточно внимательнаго, отношенія къ показаніямъ вашихъ историческихъ документовъ можно бы увеличить; но думаю, что и приведенныхъ достаточно для того, чтобы понять нѣкоторыя особенности, выразившіяся въ вашей характеристикѣ аннинскихъ мѣропріятій противъ раскола.

Характеризуя эти мѣропріятія, вы приходите лишь къ тому заключенію, что въ аннинскихъ указахъ о расколѣ нѣтъ „важныхъ мѣропріятій“ (стр. 428); но читатель вашей книги имѣетъ основаніе сказать гораздо больше—что аннинскія распоряженія выступаютъ съ характеромъ отрывочности, несогласованности, а потому, конечно, и нецѣлесообразности. Кажется, что правительство просто растерялось, какъ бы мечется изъ стороны въ сторону и не знаетъ, на чемъ ему остановиться.

„Съ одной стороны раскольники должны были нести усиленные денежные налоги, съ другой—ихъ всеми мѣрами, и внѣшними и духовными, старались обратить къ церкви“ (стр. 420). Но если „налоги имѣли цѣль побудить раскольниковъ оставить свое упорство“ (стр. 420), то лишь „отчасти“ (стр. 420) и собственно только по первоначальному замыслу, на практикѣ же скоро обрисовалась во всей полнотѣ цѣль совсѣмъ другая—раскольнической налогъ сдѣлался средствомъ для обогащенія казны. На почвѣ двойнаго оклада возникла цѣлая „финансовая политика государства по отношенію къ расколу“ (стр. 420). „Правительство строго наблюдало“ именно „за интересами фиска“ (стр. 420). Это значитъ, что главною задачею правительства служила борьба собственно противъ „тайнаго“ раскола, такъ какъ укрывательство отъ платежа двойнаго оклада наносило ущербъ казнѣ (стр. 420—1). Но „вредъ раскола въ глазахъ верховной власти далеко превышалъ выгоды двойнаго оклада“ (стр. 422) ⁷⁾. Поэтому правительство

⁶⁾ Тамъ-же, кн. 1, стр. 355. 359—360.

⁷⁾ По увѣренію автора рассматриваемой книги, „двойной окладъ, положенный на раскольниковъ, давалъ государственной казнѣ *солидный*

вступило въ борьбу и съ открытымъ—„записнымъ“ расколомъ. Борьба вѣдена была, однако, крайне нецѣлесообразно, какъ будто лишь для формы. Во-первыхъ, взимая двойной окладъ съ записныхъ раскольниковъ, правительство, повидимому, достигало сразу двѣ цѣли,—обогащало казну и побуждало раскольниковъ („било рублемъ“) обратиться къ церкви. Но на дѣлѣ достиженіе послѣдней цѣли здѣсь прямо парализовалось, такъ какъ при этомъ сохранила свою полную силу статья, легализировавшая открытое существованіе „записнаго“ раскола. Во-вторыхъ, весьма характеренъ выборъ другихъ средствъ; правительство „понимало всю безплодность“ узаконеній противъ передачи раскола въ потомство (стр. 423)—и все-таки подтверждало ихъ (стр. 422); оно не вѣрило въ „особенную плодотворность миссіонерской дѣятельности“ (стр. 427), послѣ опытовъ „почти отчаялось въ успѣхѣ миссій“ (стр. 428)—и все таки считало миссіонерскія „увѣщанія главнымъ средствомъ обращенія“ (стр. 424), отводя поэтому „увѣщательнымъ цѣлямъ первое мѣсто“ (стр. 425). „Примѣнялись“ еще гражданскія „строгости“ (стр. 424), но только „иногда“ (стр. 428), когда именно—неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то—въ чемъ эти „строгости“ состояли, такъ какъ „преслѣдованію“ правительство „не подвергало записныхъ раскольниковъ“ (стр. 422).

Если судить по вашей характеристикѣ, — правительство свои задачи и намѣренія по отношенію къ расколу просто не соразмѣрило съ средствами для осуществленія ихъ и дѣйствовало наугадъ. Оно сознавало всѣ „мотивы“, чтобы „обратить на расколъ вниманіе“ (стр. 419) и дѣйствительно „обратило“, а по мотиву государственной важности—даже „особливое вниманіе“ (стр. 419), но въ тоже время „правительство не имѣло ни времени, ни средствъ серьезно заняться расколомъ“ (стр. 429).

Въ результатѣ—полный неуспѣхъ аннинскихъ мѣропріятій противъ раскола. Расколъ вообще усиливался (стр. 427); его пропаганда „процвѣтала“ (стр. 428), хотя борьба съ нею была поставлена даже въ „центрѣ“ мѣропріятій (стр. 423). Прави-

доходъ“ (стр. 423). Но въ дѣйствительности этого не было—по причинѣ ежегодно нарастающихъ недоимокъ. „Государство въ недоимкахъ теряло больше, чѣмъ сколько могло выручать посредствомъ добавочнаго налога за расколъ“ (Опис. док. м. а. м. ю. VII, статья „Раскольническая Контора“, стр. 25).

тельственные „указы были грозны лишь на словахъ“ (стр. 428); ихъ жестокия кары и прещенія на дѣлѣ прикрывали „благопріятное время для раскольниковъ“ (стр. 428), даже „счастлиное“ (стр. 429) аннинское время.

III.

Таковы, по вашей характеристикѣ, были отношенія аннинскаго правительства къ расколу и таково положеніе послѣдняго. Но такъ ли было на дѣлѣ? Дѣйствительно ли аннинскіе указы о расколѣ выходили въ свѣтъ безъ надлежащаго плана, отрывочно и несогласованно? А съ другой стороны: ужели и въ самомъ дѣлѣ аннинское время было „благопріятнымъ“ и даже „счастливымъ“ временемъ для раскольниковъ?

Чтобы не думать такъ, вамъ достаточно было прочесть со вниманіемъ только одинъ указъ—21 марта 1736 года, пока оставивъ другіе указы, такъ какъ въ немъ отчасти резюмировалось содержаніе ихъ, а главное—устанавливалась ихъ взаимная связь. Я уже имѣлъ случай указать, что въ этотъ указъ, точнѣе—его разъясненія о законѣ двойнаго оклада обошли невниманіемъ. Теперь добавлю, что это было съ вашей стороны большимъ упущеніемъ, лишившимъ васъ возможности понять отношенія аннинскаго правительства къ расколу и положеніе послѣдняго въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Изъ указныхъ разъясненій ясно, что ни въ какомъ видѣ расколъ не имѣлъ тогда права на существованіе. Законъ одвойномъ окладѣмъ раздѣлялъ всѣхъ раскольниковъ на „записныхъ“ и „потайныхъ“, т. е. на записавшихся въ платежъ двойнаго оклада и укрывшихся отъ таковой записи. Самымъ существованіемъ этого закона безусловно уже устанавливалось, что тайный расколъ безусловно воспрещается. Но и положеніе „записныхъ“ раскольниковъ было особенное. Законъ давалъ имъ возможность только дожить свой вѣкъ, но не давалъ права поддерживать расколъ, ни чрезъ пропаганду, ни чрезъ передачу въ потомство. „Двойной окладъ положенъ“, говорилось въ указѣ, — „за то, что, по упрямству своему, раскольники обращаются къ святой церкви и въ соединеніи съ правовѣрными быть не хотятъ“. Такимъ образомъ двойной окладъ былъ наказаніемъ за церковное противленіе раскольниковъ, имѣвшимъ своею цѣлью сломить послѣднее, конечно при содѣйствіи другихъ средствъ. „Хотя,—разъяснялъ указъ далѣе,—хотя на расколь-

пиковъ записныхъ двойной окладъ и положенъ, и они записались, однакожь не для того, чтобы они свою раскольническую прелесть разсѣвать могли и другихъ учили“. Поэтому записавшійся въ двойной окладъ могъ оставаться въ расколѣ „до обращенія къ правосѣрію“ или до смерти своей, но „въ томъ, т. е. двойномъ окладѣ, — гласилъ указъ, — да будетъ самъ токмо тотъ *единъ*, кто записывался, а другимъ о той раскольнической прелести разговоровъ и ученія не точію постороннимъ, но и въ одномъ домѣ живущимъ никому отнюдь ему не произносить, и никого тому не учить, и никакими способами къ той раскольнической прелести не привлекать и учителей раскольническихъ и потаенныхъ раскольниковъ въ домъ къ себѣ не принимать, и противныхъ правому святыя церкви мудрованію книгъ... какъ печатныхъ, такъ и письменныхъ отнюдь у себя не держать“. Вопросъ объ „учителяхъ“ и „книгахъ“ былъ связанъ съ вопросомъ объ отправленіи требъ церковныхъ и прежде всего съ вопросомъ о томъ, — гдѣ же раскольникамъ крестить своихъ новорожденныхъ, но въ указѣ было пояснено, что крестить своихъ дѣтей раскольники могутъ, если пожелаютъ, въ православныхъ храмахъ, но съ тѣмъ, чтобы „отцовъ притомъ обязывать присягою и сказками, съ жестокимъ подтвержденіемъ, что имъ тѣхъ своихъ дѣтей... раскольнической прелести не учить и къ раскольническому ученію не привлекать, но коекогда, въ седмилѣтіе отъ рожденія пришедшаго, представлять къ церкви“ для исповѣди и причащенія ⁸⁾).

Такимъ образомъ, если законъ о двойномъ окладѣ давалъ возможность держать всѣхъ раскольниковъ подъ надзоромъ, то другія узаконенія, по разъясненію даннаго указа, пользовались этимъ надзоромъ, чтобы лишить расколъ способовъ укрѣпиться. Въ полной своей совокупности аннинскія узаконенія создавали цѣлую *систему* борьбы съ расколомъ и преслѣдовали крупную цѣль — полного *уничтоженія* раскола. Правда, то была система чисто *внѣшняго* воздѣйствія, но все-таки сильная *связностью* своихъ частей и потому могла обѣщать положительные результаты, — уничтоженіе сначала „тайнаго“ раскола, а потомъ и „записнаго“. Законъ терпѣлъ только наличныхъ „записныхъ“ раскольниковъ, которые могли до самой смерти оставаться въ расколѣ, но лишалъ ихъ права какъ-

⁸⁾ Собр. пост. по ч. раскола, 1860, кн. 1, стр. 304—306.

либо организовать поддержку расколу. Такъ, всѣ расколо-учители ссылались на каторгу; рядовые раскольники нигдѣ и никакъ не имѣли права высказывать свои раскольническія заблужденія; лишенные возможности имѣть старопечатныя книги и отправлять по раскольническому обряду требы, записные раскольники вынуждались крестить своихъ дѣтей въ православныхъ храмахъ, а затѣмъ воспитывать ихъ уже въ православіи. Лишенные права на отлучку, раскольники вынуждены были жить на одномъ мѣстѣ: это также помогало надзору надъ раскольниками и препятствовало веденію пропаганды на сторонѣ. Въ результатѣ ожидалось, что со смертю наличныхъ раскольниковъ исчезнетъ память о расколѣ.

Правда, аннинскія указы явились въ свѣтъ не сразу, но это не значитъ, что они издавались безъ плана. Дѣло въ томъ, что указанная система борьбы съ расколомъ возникла раньше, еще въ царствованіе Петра I, и сразу дѣликомъ была воспринята аннинскимъ правительствомъ. Аннинскіе указы о расколѣ появлялись лишь въ подтвержденіе или разъясненіе оставшихся въ полной силѣ петровскихъ указовъ, по мѣрѣ выдвигаемыхъ жизнью потребностей.

* Правда и то, что дѣйствительное положеніе раскола въ аннинскій періодъ иногда не совпадало съ планомъ изложенной системы и ея требованіями. Такъ, въ Сибири и въ окрестностяхъ екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ расколъ, очевидно, не чувствовалъ давленія дѣйствовавшихъ узаконеній, почему и раскинулся тамъ широкой сѣтью. Но на это нужно смотрѣть какъ на исключеніе, всегда и вездѣ возможное, въ данномъ же случаѣ зависѣвшее, вѣроятно, отъ мѣстныхъ благоприятныхъ условій для развитія собственно „тайнаго“ раскола. Скажу больше, возможны были исключенія и для раскола „записнаго“, вслѣдствіе неправильнаго пониманія мѣстными исполнительными властями закона о двойномъ окладѣ—въ томъ смыслѣ, что уплатившій его приобрѣталъ право открыто держаться своихъ заблужденій, т. е. свободно выражая ихъ и предъ другими. Но мы говоримъ не объ этихъ исключеніяхъ, а о законѣ въ полномъ объемѣ его требованій, о правовомъ положеніи раскола. А тутъ права даже „записнаго“ раскола были только кажущимися. Прежде „записной“ расколъ еще могъ усиливаться на счетъ православныхъ, благодаря своимъ матеріальнымъ выгодамъ. Теперь, въ аннинскій періодъ, послѣдовало и здѣсь ограниченіе. Дѣло въ томъ, что поло-

женные въ двойной окладъ раскольники раньше были освобождены отъ исполненія рекрутчины, отъ поставки лошадей на армію и отъ нѣкоторыхъ другихъ повинностей. Это дѣлало положеніе раскольниковъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ даже положеніе православныхъ. При Аннѣ Іоанновнѣ (1738 г.) эта льгота была отмѣнена и велѣно было взыскать съ раскольниковъ рекрутъ и лошадей даже за „прошедшіе наборы“⁹⁾.

* Нельзя обойти молчаніемъ также и тѣ аннинскія мѣропріятія противъ раскола, которыя нужно назвать чрезвычайными. Извѣстно, что въ 1735 году была разорена Вѣтка¹⁰⁾,— тогда знаменитый поповщинскій центръ, печальная судьба котораго печально отразилась на состояніи всего тогдашняго поповщинскаго раскола. Это было разореніе въ полномъ смыслѣ слова; раскольниковъ забирали „съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми пожитками, и со скотомъ и съ хлѣбомъ“; дома вѣтковскихъ свобожанъ были сожжены, какъ и монастырскія постройки; вѣтковская церковь, тогда единственная въ поповщинскомъ мірѣ, при перевозкѣ погибла; всего захвачено было 13234 человекъ и всѣ они потомъ были разосланы—одни по монастырямъ, другіе въ мѣста родины, третьи въ Ингерманландію; вездѣ надъ разосланными былъ установленъ строжайшій надзоръ, положеніе ихъ было крайне тяжелое¹¹⁾.

* Характерно также указать на мѣры, принятыя при вѣтковской выгонкѣ противъ раскольническихъ „наставниковъ“, „учителей“ и требоотправителей. Въ 1735 году, издавая указъ о разсылкѣ вѣтковцевъ, правительство, не щадя своего высокаго авторитета, рекомендовало прибѣгнуть даже къ обману. Исполнительнымъ властямъ указывалось, чтобы онѣ до объявленія раскольникамъ о разсылкѣ „всякими удобными способами развѣдывали, кто между ними есть наставники и учителя, показывая, будто того желаютъ вѣдать для опредѣленія ихъ къ нимъ, раскольникамъ, по прежнему; и какъ о нихъ о всѣхъ развѣдано будетъ, тогда тѣхъ наставниковъ и учителей всѣхъ взять подъ крѣпкій караулъ, и держать до указа и писать

⁹⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, 1, 354—355.

¹⁰⁾ Нѣсколько ранѣе (1732 г.) были произведены розыски и розоренія въ раскольническихъ скитахъ и келіяхъ въ Волоколамскомъ лѣсу. Раск. дѣла XVIII вѣка *Есипова*, т. 1, стр. 237—269.

¹¹⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, 1, стр. 275—8, ср. 284—8, 335—44.

въ Сенатъ и Синодъ ¹²⁾. Въ слѣду ющемъ 1736 году, отвѣчая на вопросъ тогдашняго правителя Малороссіи князя Шаховскаго о поселившихся въ Стародубскихъ слободахъ вѣтковскихъ выходцахъ, Сенатъ снова напоминалъ ему, чтобы онъ „велѣлъ имѣть смотрѣніе секретно, дабы между ими, раскольники, не было ихъ раскольническихъ наставниковъ ¹³⁾. Эти распоряженія имѣли въ нѣкоторой мѣрѣ роковое значеніе для стародубскихъ раскольниковъ, не только поповцевъ, но и безпоповцевъ. Усерднымъ исполнителемъ этихъ велѣній высшей власти явился тогдашній стародубскій полковникъ Аонасіѣ Прокофьевичъ Радищевъ (1734 — 1741), распространившій ихъ силу не на однихъ вѣтковскихъ выходцевъ, а на всѣхъ вообще жившихъ въ слободахъ раскольническихъ наставниковъ. Около 1738 — 1739 гг. онъ повелъ „разыскиваніе“ раскольническихъ „подповъ“ и „наставниковъ“ въ такихъ размѣрахъ и съ такою безпощадностью, что въ „духовномъ чинѣ“ у слободскихъ раскольниковъ настало „великое оскудѣніе“. „Духовный чинъ—священниковъ, такожде иноковъ и инокинь изъ оныхъ слободъ—безъ остатку всѣ резобраны и разосланы по разнымъ и незнаемымъ монастырямъ и скитамъ, а иныхъ многихъ разстригали и въ службу опредѣляли“. Долго потомъ слобожанамъ, поповцамъ и безпоповцамъ, были памятны эти годы, составившіе въ исторіи стародубскаго раскола своего рода эпоху ¹⁴⁾.

* Я не говорю уже о томъ, что въ 1736 году раскольники Стародубскихъ слободъ были сравнены платежемъ оклада съ прочими раскольниками ¹⁵⁾. Не говорю и о томъ, что напр., лопскіе раскольники (въ 1740 г.) не получили льготъ въ платежѣ оклада, не смотря на то, что по петровскимъ указамъ, имѣли на нихъ право, какъ жители пограничныя ¹⁶⁾.

Вы указываете на отзывъ безпоповщинскаго историка Ивана Филиппова, который въ „Исторіи Выговской пустыни“ говоритъ объ Аннѣ Іоанновнѣ, что „Ея Величество вѣры не отнимала и истязаній о вѣрѣ при ней не бывало“ (стр. 429).

¹²⁾ Тамъ же, стр. 272.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 303—304.

¹⁴⁾ Новые матер. для ист. раск. *Лилеева*, стр. 208, ср. 168, 210. *Его же* „Изъ ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубѣ“, стр. 497—498.

¹⁵⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, кн. 1, стр. 319—20.

¹⁶⁾ Тамъ же, кн. 1, стр. 364—367.

Но во-1-хъ: жаль, что слова эти вы цитируете не по подлинному памятнику ¹⁷⁾, иначе вы не пропустили бы и другого мѣста въ „Исторія Выговской пустыни“, гдѣ Филипповъ даетъ такой отзывъ по поводу произведенной, по повелѣнію Анны Іоанновны, вѣтковской выгонки: „всѣхъ расхитиша и развезоша, овые за карауломъ голодомъ и мразомъ изомроша, иніи же въ темницахъ и во оковахъ и по градомъ и по монастыремъ развезены, овін же отъ благочестія отлучены, а имѣніе ихъ все разграблено“ ¹⁸⁾.

Во-2-хъ, нужно знать, что приводимыя вами слова написаны въ благодарность за личныя отношенія императрицы собственно къ *выговцамъ*. Не въ одной поморской рукописи рассказывается, что выговцы завели добрыя сношенія еще съ царицей Прасковьей Ѳеодоровной, матерью Анны Іоанновны. Андрей Денисовъ, впоследствии знаменитый выгорѣцкій киноіархъ, доставлялъ царицѣ живыхъ оленей, лебедей и журавлей и за эти дары сѣверной русской природы получалъ щедрыя денежныя даванія на пользу всѣхъ выговцевъ. Въ бытность свою въ Москвѣ, Андрей часто приходилъ въ покои царицы и читалъ для нея „древлепечатныя“ книги. Бывали при этихъ случаяхъ и дочери Прасковьи Ѳеодоровны, изъ которыхъ одна—Анна Іоанновна, когда стала россійской императрицей, помня эти факты своего дѣтства, благоволила выговцамъ, по примѣру своей матери. Въ первый же годъ своего царствованія она освободила выговцевъ отъ рекрутской повинности ¹⁹⁾. Особый сенатскій указъ по этому поводу отъ 16 октября 1730 года, раскольническая рукопись въ которой помѣщенъ изложенный нами рассказъ, прямо приписываетъ личному расположенію Анны Іоанновны къ выговцамъ ²⁰⁾.

Въ-3-хъ: расположеніе императрицы къ выговцамъ, не избавило ихъ, однако, отъ „истязаній въ вѣрѣ“, когда въ 1738 году возникло дѣло по обвиненію выговцевъ въ немоленіи за Ея Величество и когда для слѣдствія на Выгъ пріѣхала извѣстная самаринская комиссія. Но примѣчательно, что и это горестное для выговцевъ событіе, сопровождав-

¹⁷⁾ В. В. Титлиновъ цитируетъ въ данномъ мѣстѣ „Историко-статистическое описаніе Спб. епархіи“, вып. 1, стр. 225.

¹⁸⁾ Ист. Выгов. пуст., стр. 371. Спб. 1862.

¹⁹⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, кн. 1, стр. 222.

²⁰⁾ Ркп. Публ. Библ. Q. 1, № 1083, лл. 102—7.

шееся не только „великими страхованіями“ за цѣлость Выговскаго монастыря, но и вѣроисповѣдными между выговцами смутами и отдѣленіемъ отъ поморцевъ особаго толка филипповцевъ, не ослабило въ выговцахъ чувства благодарности къ императрицѣ, воспитаннаго преданіемъ и недавнею дѣйствительностію. Милость и особое расположеніе со стороны верховной власти были усмотрѣны и здѣсь—въ томъ, что Слѣдственная комиссія по порученію Тайной Канцеляріи сама пріѣхала на Выгъ, тогда, какъ во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ жестокаго аннинскаго царствованія, не исключая дѣлъ сановниковъ и архіереевъ, -- обвиняемыхъ безъ разбора „тащили“ лично въ Тайную Канцелярію. „Первый, воистину, такой случай въ Россіи сдѣлался“ ²¹⁾, восклицаетъ выговецъ, выражая настроеніе всей „пустыни“. Удивительно ли, послѣ этого, если и Иванъ Филипповъ благоприятно выразился о времени Анны Иоанновны!

IV.

Я склоненъ думать, что вашей всесторонности изученія подлежащаго матеріала, а слѣдовательно—и большей правильности научныхъ выводовъ въ извѣстной мѣрѣ помѣшала господствующій въ вашей книгѣ взглядъ. Чувствуется, что (въ данномъ случаѣ) вы увлеклись оправданіемъ господствующаго въ вашей книгѣ взгляда и имѣвшійся у васъ матеріалъ (указы о расколѣ), захватывали лишь по этой мѣркѣ. Естественно, явились у васъ положенія и выводы, неимѣющіе непосредственной опоры въ историческихъ документахъ. Едва ли, кажется мнѣ, можно документально оправдать даже основную точку зрѣнія вашего обзора аннинскихъ указовъ о расколѣ.

Ваше основное положеніе гласитъ: аннинское правительство „смотрѣло на расколъ съ чисто государственной точки зрѣнія“. Такой взглядъ, конечно, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ основною мыслью, проходящею чрезъ все ваше сочиненіе,—что и *вся* церковная политика аннинскаго правительства вращалась въ сферѣ исключительно *государственныхъ* интересовъ. Но прочность этой гармоніи для меня представляется не столь твердою, когда я примѣняю къ ней

²¹⁾ Ркп. Публ. Библ. Q XVII, № 201, лл. 33—33 обор.

пробу подлежащихъ историческихъ документовъ. Такъ, въ указѣ 29 мая 1730 года читаемъ: „Ея Императорское Величество, *защищая благочестіе* и охраняя врученные Ея Величеству народы отъ лжесоставнаго и *благочестію противнаго* ученія, повелѣла Правительствующему Синоду во всемъ поступать по силѣ *данныхъ Питуриму* указовъ, и во всемъ, что принадлежитъ къ обращенію раскольниковъ и искорененію противнаго ученія *всякое вспоможеніе* чинить“²²⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ правительствомъ было сказано многое: съ одной стороны указана цѣль, какую должна преслѣдовать борьба съ расколомъ, съ другой—средство для достиженія этой цѣли. Обратимъ вниманіе, что документъ относится къ самому началу разсматриваемаго царствованія, когда аннинское правительство неизбѣжно вынуждалось съ наибольшею прямою и отчетливостію установить свою основную точку зрѣнія на предметъ, дать руководящій принципъ. И мы видимъ, что здѣсь были выдвинуты *непосредственно* только интересы *церковные*—„защита“ православія и „охрана“ подданныхъ Ея Величества отъ *раскольнической* пропаганды. Согласно съ характеромъ дѣла, оно было передано въ вѣдѣніе высшаго *духовнаго* учрежденія—Правительствующаго Синода. При этомъ былъ установленъ тотъ общій принципъ—чтобы дѣлу „искорененія противнаго ученія *всякое* вспоможеніе чинить“, который и являлся обязательнымъ, очевидно, и для самого государственнаго правительства, но замѣчательно, что на *прямые* государственные интересы здѣсь не было сдѣлано даже намека. И еще дальше: Синоду „повелѣвалось во всемъ поступать по силѣ указовъ, данныхъ *Питуриму*“. Питурирь—извѣстный нижегородскій архіепископъ петровскаго и давніѣйшихъ царствованій. Извѣстенъ онъ именно своею *миссіонерскою* противораскольническою дѣятельностію. Петръ I такъ высоко цѣнили эту дѣятельность, что называлъ ее „равноапостольскою“ и петровскіе указы, данные на имя Питуриря, узаконявшіе разныя гражданскія ограниченія раскола, были направлены къ поддержкѣ этой дѣятельности. Больше того, указы составлялись по рецептамъ самого Питуриря, такъ что Питуриря, пользовавшагося большимъ расположеніемъ Петра I, нужно считать и

²²⁾ Собр. пост. по ч. раск. 1860, кн. 1, стр. 216. Ср. Именной указъ 8 мая 1730 года—Собр. пост. по в. п. и. VII, № 2320.

творцомъ этихъ указовъ. Но Питиримъ былъ представителемъ церкви и естественно воздвигалъ *прежде всего* интересы церковные. Расколъ выступалъ предъ нимъ *главнымъ образомъ* какъ *врагъ церкви*. Да такъ понималъ названные петровскіе указы и самъ цитируемый аннинскій указъ 1730 года, въ которомъ сейчасъ же послѣ вышеприведенной тирады о „защитѣ благочестія“ была прописана подлинная резолюція Петра I на прошеніи Питирима отъ 1715 года—о томъ, что если кто будетъ „возбранять“ и „препятствовать“ Питириму въ его „святomъ“ и „равноапостальскомъ дѣлѣ“ обращенія въ православіе раскольниковъ, — „тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертію“—за что собственно?—„яко *врагъ святыхъ церкви*“.

Въ замѣчаніяхъ въ началѣ VI-ой главы, предпосылаемыхъ вами частнѣйшему обзору аннинскихъ мѣропріятій противъ раскола, вы пытаетесь,—къ сожалѣнію, въ изложеніи довольно туманномъ и дающемъ поводъ къ возраженіямъ и недоумѣніямъ,—пытаетесь, говорю, пояснить, что аннинское правительство, хотя дѣйствительно помогало церкви въ борьбѣ съ расколомъ, но помогало лишь потому, что интересы церкви и государства въ данномъ случаѣ совпадали, а не потому, чтобы оно было озабочено собственно церковными интересами (стр. 418—419). Только „осязательная государственная польза“ заставляла правительство „идти на встѣчу задачамъ“ церкви (стр. 464). Но если такъ, то непонятно, чѣмъ было вынуждено правительство къ тому, чтобы дѣйствительныя причину и цѣль маскировать ²³⁾ призрачными. Странно, что, цѣня *только* „пользу государственную“, оно выставляло на видъ задачи *лишь* церковныя. Разумѣть „людей, вредныхъ въ государственномъ отношеніи“ (стр. 419), и бороться собственно съ ними, а официально указывать только на необходимость борьбы съ „врагами церкви“!

Даже по вопросу о двойномъ окладѣ, который (окладъ), примѣнительно къ вашему взгляду, долженъ быть разсматриваемъ въ качествѣ „осязательнаго“ обнаруженія „государственной точки зрѣнія на расколъ ²⁴⁾“,—аннинское правитель-

²³⁾ Въ вышеприведенномъ указѣ 1730 года.

²⁴⁾ По взгляду, принятому въ разсматриваемой книгѣ, эта „точка зрѣнія“ впервые получила реализацію тогда, когда еще Петръ I далъ раскольниковъ возможность „платить за себя денежный выкупъ“ и

ство высказывалось совѣмъ въ другомъ направленіи, вашъ взглядъ не оправдывающемъ. Какъ мы уже видѣли, въ указахъ 21 марта 1736 года и 28 сентября 1738 года относительно закона о двойномъ окладѣ было дано разъясненіе въ томъ смыслѣ, что окладъ положенъ въ наказаніе за *церковное* противленіе раскольниковъ, значитъ—опять безъ всякаго отношенія къ государственнымъ интересамъ.

Я не отрицаю, что сознаніе вреда отъ раскола для государства аннинскому правительству было не чуждо, какъ оно держалось и въ петровскую эпоху. Въ доказательство этого можно привести документъ болѣе характерный, чѣмъ вы приводите,—и по его происхожденію, и по ясности выраженной въ немъ мысли. Вы цитируете записку Остермана, именно темное упоминаніе въ ней о какомъ-то „извѣстномъ расположеніи“ раскольниковъ — „сихъ злыхъ людей“ (стр. 419),—упоминаніе, говорю, *темное*, потому что здѣсь не объяснено, въ чемъ же именно состоитъ „зло“ „сихъ людей“. Я на вашемъ мѣстѣ сослался бы на Высочайше утвержденное 13 августа 1735 года мнѣніе, высказанное на конференціи Сената и Синода, въ которомъ, по поводу поселенія раскольниковъ—вѣтковскихъ выходцевъ на Украинѣ, близъ пограничной линіи донскихъ казаковъ, въ доказательство необходимости отмѣнить позволеніе, данное для таковыхъ раскольническихъ поселеній,—прямо было сказано: „Украинская линія сдѣлана и ландмилицкіе полки селятся на оной для защищенія и обороны государственной отъ непріятели, а отъ нихъ, раскольниковъ, не токмо обороны, но паче всякой противности опасаться надлежитъ“²⁵). Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться, что опасеніе государственнаго вреда отъ раскола у аннинскаго правительства существовало. Но вѣдь одно дѣло—признать государственный вредъ раскола, напр. на ряду съ церковнымъ, даже въ зависимости отъ него, и совѣмъ другое—признать государственную точку зрѣнія на расколъ главною и тѣмъ болѣе единственною. Въ исторіи правительственной борьбы съ расколомъ первое мы нахо-

когда „изъ раскола, такимъ образомъ“, стала „извлекать пользу государственная казна“ (стр. 419). Аннинская же политика по отношенію къ расколу была „всецѣло продолженіемъ завѣтовъ петровскаго царствованія“ (стр. 419).

²⁵) Собр. пост. по ч. раск. 1860, кн. 1, стр. 279.

димъ не одинъ разъ; второе же, наоборотъ, выступаетъ лишь въ видѣ исключенія. Вопреки взгляду, принятому въ вашей книгѣ, я не отношу аннинскій періодъ къ числу этихъ исключеній. Я думаю, что и при Аннѣ Іоанновнѣ въ вопросѣ о расколѣ церковные и государственные интересы были, правда, различаемы, но не съ тѣмъ, чтобы игнорировать первые и охранять только вторые.

Все, мною высказанное, отвѣчаетъ собственно только на одинъ вопросъ: можно ли считать послѣднимъ словомъ науки тотъ отдѣлъ вашей книги, который я подвергъ разсм отрѣнію. Но вытекающимъ изъ сказаннаго заключеніемъ не понимается научная цѣнность другихъ, по объему гораздо болѣе крупныхъ, отдѣловъ вашего сочиненія. Опираясь на нихъ, я настойчиво повторяю высказанное въ моемъ письменномъ отзывѣ мнѣніе, что сочиненіе даетъ вамъ полное право на полученіе степени магистра богословія.

Профессоръ Петръ Смирновъ.

1905, X, 2.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки